

ФОЛЬКЛОР И ТРАДИЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ СООБЩЕСТВ

Изучение фольклора социальных групп — одно из перспективных направлений современной фольклористики. В частности, большой интерес у исследователей вызывают молодежные субкультуры. Возрастные границы молодежи не определены точно: начало молодости — около 15 лет, окончание — 25—30 лет. Ввиду специфики возрастного развития в молодости большое значение уделяется общению в группах сверстников. Собственно, и фиксируемый в молодежной среде фольклор сводится к фольклору молодежных сообществ — от учебно-профессиональных коллективов до неформальных субкультур. В разных сообществах фольклор представлен в разной степени — в некоторых его найти не удастся практически совсем, в некоторых — образуются достаточно развитые традиции, как правило в рамках одного-двух жанров. Помимо традиционных форм фольклора в сфере внимания исследователей молодежных сообществ попадает большое количество «пограничных» явлений, включающих элементы и фольклора, и авторского творчества. В течение последних двух десятилетий молодежный фольклор в значительной степени виртуализировался — перешел в пространство Интернета. За годы изучения молодежных сообществ многие из них «повзрослели», перестав соответствовать возрастным критериям, поэтому молодежные сообщества как объект исследования стоит понимать шире — включая не только объединения собственно молодежи, но еще и разновозрастные субкультуры, генетически выросшие из тех или иных «исходных» молодежных субкультур и придерживающиеся их стилистики. Такой подход укладывается в общие тенденции размывания границ молодости.

М. М. КРАСИКОВ
(Харьков)

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ХАРЬКОВСКИХ СТУДЕНТОВ- ПОЛИТЕХНИКОВ 1950-х — начала 1960-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается песенный фольклор студентов Харьковского политехнического института, бытовавший в 1950-х — начале 1960-х гг. Прослеживается вариативность ряда популярных фольклорных текстов: «Электричество», «Колумб Америку открыл...», «Султан», «Песня о Льве Толстом» и др. Ключевые слова: студенческий фольклор, песни, вариативность фольклора.

Обзор репертуара. Песенный репертуар студенчества как субкультурного образования открыто-закрытого типа составляют три основные группы произведений:

1. Распространенные и передающиеся из поколения в поколение песни, отражающие специфику студенческой жизни.
2. Насыщенные местными реалиями и антропонимами песни, имеющие локальное, групповое и временное распространение (среди участников художественной самодеятельности, кавээнщиков, однокурсников, жильцов общежития определенного периода, той или иной дружеской компании и т. д.).
3. Популярные фольклорные и авторские песни (впрочем, авторство, как правило, носителям традиции неизвестно или приписывается первому исполнителю, а зачастую вообще неинтересно).

Сегодня лишь мизерное количество студентов Харьковского политехнического института знает студенческую

классику; местные окказиональные песни теперь очень редки, сочиняются они в большинстве случаев к КВНам и не живут дольше одного-двух представлений (разве что какое-то время цитируются при случае удачные строчки или выражения из них). Разумеется, современные студенческие песни отличаются от подобных песен предшествующих поколений. Из новых произведений на студенческую тематику чаще всего поется песня Кузи про «шнягу шняжную — жизнь общажную» из телесериала «Универ». Коллективное (групповое) исполнение все более уступает индивидуальному, да и само пение уступает место слушанию записей, причем последнее тоже преимущественно индивидуальное, благо современная техника предоставляет такую возможность. Основу репертуара сегодняшних студентов ХПИ составляет творчество современных авторов (чаще всего — музыкальных групп).

В 1950-е — в начале 1960-х гг. студенчество Харьковского политеха было и дружным, и веселым, и поющим. В репертуаре (в частности, энергетиков) были *общестуденческие* песни, в которые чаще всего привносились свои новации: «Колумб Америку открыл...», «От зари до зари...», «В первые минуты...», «Магадан» («Слушай, друг, мотай на оба...»), «Султан» («В гареме тешится султан...»), «Электричество» (песня в одном из вариантов имеет подзаголовок «Гимн электриков ХПИ»), «Всем известно, что студенты...», «Как закончу я учебу...», «Окончив институт...», «Студент» («Раскинулось море над модулем пять...»), «Был у нас студент на факультете...», «Перегончики» («На перегончиках...») и другие. Варианты этих песен в большинстве известны, но каждый новый добавляет свои нюансы к нашему восприятию данных фольклорных произведений.

Были и *сузубо политеховские* песни (большей частью, как и сейчас, переделки), причем, как правило, авторы их не забывались: «Лагеря» («Если грустно вам, друзья...»), «Харьковская прощальная» («Скоро кончим диплом...»), «Незабудка» («Не в саду цветут цветы...»),

«Как-то раз до новой эры...», «Марш агитбригады художественной самостоятельности ХПИ» (автором его был впоследствии известный детский поэт В. Левин). Приведем текст «Марша...», написанного осенью 1955 г., как произведения, весьма характерного для своего времени:

Мы с песней веселой
Объедем край родной.
Спешим степями, сёлами,
Дорогой полевой.

Друзья повсюду рады нам,
Встречают, как своих.
Концертная бригада мы —
Студенты ХПИ.

Бывало, что на месте нам
Обед забудут дать,
Но мы умеем весело
Не жравши выступать.

Грязны мы, и охрипли мы,
И в сено спать уйдем,
Но голосами сиплыми
Мы всё-таки поем...

(Зап. от Вадима Александровича Левина, 1933 г. р., выпускника энергомашиностроительного факультета Харьковского политехнического института 1957 г. [ПМА 2011].)

Не менее характерна и «Песня, написанная на крыше крытого грузовика, внутри которого спала женская часть агитбригады» (автор В. Левин):

Темная ночь,
Только зубы от ветра стучат,
Только квакают, видно к дождю,
У колодца лягушки.
В темную ночь
Ты, товарищ мой, знаю, не спишь,
Ты на крыше машины лежишь
Без перин и подушки.
Ночь не страшна,
С ней не раз мы встречались в пути.
Вот и сейчас
Нам с тобою опять
Не спится.
Радостно мне,
Знаю, девочки спят подо мной,
И поэтому я не боюсь
В будку к ним провалиться.
[Там же]

Имелись в репертуаре и *мелодраматические шлягеры*, исполняемые «со слезой в голосе и надрывом», но, разумеется, с ориентацией на комическое восприятие: «Постой, паровоз, не стучите, колеса...», «Сиреневый туман», «Стальной гигант» («Они стояли на корабле у борта...») и другие. Песня «Стальной гигант» в 1960-е гг. была обожаема и студентами-физиками Харьковского государственного университета, причем исполнение ее (исключительно хоровое) всегда сопровождалось пародийной инсценировкой.

Очень часто исполнялись тогда модные смешные *песенки литературного происхождения*, такие как: «Однажды рыжий Шванке...», «Венецианский мавр Отелло...», «Сага о Толстом» («Писатель дворянского класса...»), «Девушка в платье из ситца...», «Песня о зубах» («Цилиндром на солнце сверкая...»), «Файдули-фай» («Что же нам делать...»), «Сиреневый платочек» («Расцвела сирень в моем садочке...»), «Турецкая лирическая» («Снова замерло все до рассвета...»), «Зараза» («Что ж ты смотришь на меня в упор...»), «История каховского раввина» («Зачем, скажите, вам чужая Аргентина...»), «30 метров крепдешина» («Расскажу я вам, ребята...»), «Задумал я, братишечки, жениться...». Многие из этих песен, например, «Про каховского раввина», «Холостою жизнью я извелся» и другие фиксировались как активно бытующие среди российского студенчества и во второй половине 1980-х гг.

Разумеется, популярен был *тюремный фольклор*, в частности, песни: «Я с детства был испорченный ребенок», «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...» (песня на слова Юза Алешковского, бытовавшая, разумеется, как безавторская и «блатная»).

Изредка звучала *романсовая лирика*, например, «Клен ты мой опавший...» (на слова С. Есенина).

В 1960-е гг. студенческий репертуар харьковчан пополнился *бардовскими* произведениями. Песни Б. Окуджавы «Последний троллейбус» («Когда мне не в мочь пересилить беду...»), «Вы слышите, грохочут сапоги...» и другие

харьковская интеллигенция слышала раньше, чем в иных городах СССР, благодаря замечательному филологу Льву Яковлевичу Лившицу, который вначале привез записи домашних концертов никому не известного тогда автора, а потом и самого Окуджаву, устроив ему, по сути, первое большое публичное выступление в Центральном лектории.

Пользовались успехом и *стиляжсы* однодневки: «Пьяненький» («Ночь тьмой окутана...»), «Чуча» («Ночь! Два голых негра роют яму...») и подобные. Входили в репертуар, хотя и в значительно меньшей степени, тогдашние *эстрадные* песни, например, «Солдатская» («Мы сегодня писем ждем крылатых...»), слова Л. Ошанина, музыка М. Фрадкина), а также русские и украинские *народные* песни.

Остановимся на собственно студенческом фольклоре, рассмотрим некоторые популярные песни того времени, специфику записанных нами вариантов. В качестве фактологического материала мы берем записи, сделанные в 2010—2011 гг. от В. П. Зубаря, В. И. Копуся, В. А. Левина и А. И. Шехтмана, закончивших ХПИ в 1954—1961 гг.

«**Электричество**». В начале 1950-х гг. среди студентов-электриков многих советских вузов была необычайно популярна песня «Электричество». Она была написана ориентировочно в 1952 г. на мотив, близкий к мотиву песни «Пиши, не забывай!» («Черная стрелка проходит циферблат...») из кинофильма «Веселые ребята» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского, 1934 г.). Ряд вариантов этой песни встречается в Интернете, однако «Гимн электриков ХПИ» содержит оригинальные строфы, отсутствующие в предшествующих публикациях. По этой причине приведем песню полностью:

Нам говорили: пар
Прогресс продвинет заново
И Ньютон, и Карно,
И братья Черепановы,
Но заявили твердо
(И в этом был резон!)
Доливо-Добровольский
И Томас Эдисон:

Привет:
 Нам электричество
 Сделать все сумеет,
 Нам электричество
 Мрак и тьму развеет,
 Нам электричество
 Заменит тяжкий труд,
 Нажал на кнопку: чик-чирик!
 И тут как тут.

Придет желанный век —
 И все преобразится,
 Не будем мы тогда,
 Как лошади, трудиться,
 Стальной электроробот
 Нам будет лучший друг,
 А ширь степную будет
 Пахать электроплуг.

Привет.

Плывать мы будем
 Тогда в электрованне,
 А летать мы будем
 На электроплане,
 Грабить нас будет
 Тогда электровор,
 А судить нас будет
 Электропрокурор.

Привет.

Заменит сердце нам
 Электродгенератор,
 А кашу сварит нам
 Электросепаратор,
 А органы заменит
 На время брачных дней
 Катушка индуктивности
 И соленоид к ней.

Привет.

Не будет поцелуев,
 Мы так будем любиться,
 Не будет пап и мам,
 Мы так будем родиться,
 Не будет акушеров,
 Не будет докторов.
 Нажал на кнопку: чик-чирик!
 И человек готов.

Привет.

Заходишь в рестораник —
 Там все на электричестве.
 Нажал на кнопку: чик! —
 Вино в любом количестве.

Еще на кнопку: чик! —
 Тарелка с колбасой!
 И не прошло пяти минут,
 Как ты уже косой.

Привет.

Пришел с работы злой,
 А там одно и тоже!
 Пускай орет жена,
 Пусть вылезет из кожи,
 Сиди, читай газету,
 И ты не виноват,
 А за тебя ругается
 С женой электромат.

Привет.

Придет счастливый век —
 И все преобразится,
 Поскольку электричество
 Везде распространится,
 И будет мир богатым
 И рвущимся вперед,
 Покуда мирный атом
 Все это не взорвет.

Привет.

(Зап. от Виталия Ивановича Копуся, 1938 г. р., выпускника электро-энергетического факультета Харьковского политехнического института 1961 г. [ПМА 2010].)

Первый и последний куплеты сочинил Виталий Копусь, тогда — студент-энергетик ХПИ, активный участник художественной самодеятельности, сегодня — автор нескольких поэтических сборников. Данная песня, при всей ее ироничности, отчетливо запечатлела свою эпоху, когда, по словам Бориса Слуцкого, были «физики в почете». Электроэнергетический факультет ХПИ (бывший Харьковский электротехнический институт) являлся в 50-е самым престижным (12 человек на место, тогда как на остальных факультетах — не больше 5). Некоторым обывателям («простым советским людям»), да и юным романтикам, которых тогда еще хватало, действительно, казалось, что грядущая научно-техническая революция решит как глобальные социальные, так и многие личные проблемы. Ничего удивительного, что будущие инженеры — главные дейст-

вующие лица этой революции — создали вполне абсурдистский текст, исполненный тотальной иронии по поводу подобных иллюзий. Студенчество всегда, отчасти даже разделяя заблуждения своего века, все-таки умело смотреть на вещи достаточно трезво, чему способствовало не в последнюю очередь чувство юмора, не задавленное у молодых людей даже тоталитарным режимом.

Песня «Электричество» записана нами в трех вариантах, хотя известны и другие, в т. ч. выложенные в Интернете. Приведем основные разночтения.

Во 2-м варианте песни, записанном от В. П. Зубаря в 2010 г., электричество заменит не *тяжелый*, а *всякий* труд. То есть предполагается не облегчение труда, а полная отмена его, и как результат — праздная счастливая жизнь людей. В будущей утопии «не будет лысых... все омолодимся».

Если в варианте Копуся предполагается, что пахать будет *электроплуг*, то во втором — «*Электричество* пахать и сеять будет». Электричество здесь намеренно опредмечивается и предстает как некая волшебная сила, которая вполне сродни «шучьему веленью» в русских сказках — непостижимому, но действенному.

Замечательны в варианте Зубаря строфы, посвященные перспективам «личной жизни»:

Не нужно будет нам влюбляться
и терзаться,
Не нужно будет нам подолгу
объясняться.
Электрообъяснение включи
и не горюй.
А страсти нам заменит
электропоцелуй.
Вот кончилось у вас
электрообъяснение.
Порядочность зовет исправить
положение.
На этот случай в парке ночной
электрозагс
Без всяких проволочек в момент
распишет вас.

Нажал на кнопку — чик-чирик, готово
заявление.

Еще на кнопку — чик-чирик, готово
поздравленье.
Еще на кнопку — чик-чирик, и ты
идешь домой
С свидетельством о браке и с новою
женой.
Не будет никого счастливей вас
на свете,
Появятся у вас с женой свои
электродети.
Их рев не потревожит ваш
безмятежный сон.
Споет им колыбельную
электропатефон.

Ты нервы сохранить в семейной
жизни сможешь.
Пускай орет жена, хоть вылезет
из кожи.
А ты лежишь с газетой, и ты
не виноват,
А за тебя ругается электроавтомат.

Нажал на кнопку — чик, и ты горишь
от счастья,
Еще на кнопку — чик, и ты летишь
в участок,
Еще на кнопку — чик, и ты идешь
домой...,
А там жена встречает
электрокочергой.

(Зап. от Владимира Петровича Зубаря, 1929 г. р., выпускника машиностроительного факультета Харьковского политехнического института 1954 г. [ПМА 2010].)

Финальный куплет с намеренно неточной рифмой и акцентированной просторечной неправильностью словоупотребления подчеркивает студенческое происхождение песни-утопии, так как апофеозом ее и «пределом мечтаний» студентов является избавление от учебы (и связанных с нею страданий):

Нам электричество тьму и мрак
развеет.
Нам электричество сделать все сумеет.
Не будет институтов, не будет
чертежов.
Нажал на кнопку — чик-чирик,
и инженер готов!
[Там же]

Ср. в варианте, помещенном в Интернете:

Не будем мы учиться, не будем
 заниматься,
 Не будет мам и пап, мы так будем
 рождаться,
 Не будет акушерок, не будет
 докторов:
 Нажал на кнопку — чик-чирик,
 и человек готов.
 (<http://a-pesni.golosa.info/dvor/nebudet-lys.htm>)

Третий вариант, записанный от А. И. Шехтмана, в целом подобен второму, хотя есть ряд разночтений. В этом варианте есть два куплета, отсутствующих в других вариантах (с первого песня начинается, второй — располагается ближе к концу):

Приветствуем мы мысль,
 Да здравствует наука!
 Она стремится ввысь,
 Прогресс нам в том порукой.
 И заявляем всем:
 Друзья мы потому,
 Что нам электричество
 Развеет мрак и тьму! (...)

Нетрудно будет нам
 С женою разводиться.
 Не надо будет нам
 За тысячи судиться.
 Ручной электросуд
 Найдешь в семье любой.
 Нажал на кнопку — чик-чирик! —
 Ты снова холостой!
 (Зап. от Анатолия Исааковича Шехтмана, 1933 г. р., выпускника электро-энергетического факультета Харьковского политехнического института 1956 г. [ПМА 2011].)

«Колумб Америку открыл...». Харьковские политехники, вполне по законам фольклора адаптируя известные студенческие песни, деликатно насыщали их родной конкретикой. Например, в песне «Колумб Америку открыл...» они пели:

Колумб Америку открыл,
 Страну для нас совсем чужую.
 Дурак, он лучше бы открыл
 В электрокорпусе пивную.
 (Зап. от Виталия Ивановича Копуся [ПМА 2010].)

Этот вариант мы фиксировали неоднократно от политеховцев разных поколений, да и от выпускников других

харьковских вузов, хотя «электрокорпус» — именно политеховская реалия. В большинстве же публикаций Колумбу, как правило, предписывается открыть «на нашей улице пивную» [Антология 2008, 59].

«Султан». В популярной до сих пор среди студентов песне «Султан», восходящей к немецкой студенческой песне XIX в. и справедливо считающейся одним из наиболее ярких произведений студенческой анакреонтики, обычно поется:

А я различий не терплю, не терплю,
 Вино и девушек люблю, да, люблю!
 Чтобы все это совместить,
 Простым студентом надо быть.
 [Антология 2008, 64]

Близкий вариант, где также была строчка «Простым студентом надо быть», — нами был записан десять лет назад от студента машиностроительного факультета НТУ «ХПИ». Однако студенты 1950-х пели:

А я лишений не терплю,
 Вино и девушек люблю, да, люблю,
 А чтобы это совмещать,
 Студентом ЭМСа надо стать.
 (Зап. от Виталия Ивановича Копуся [ПМА 2010].)

ЭМС — это электромашиностроительный факультет ХПИ. Есть и еще один политеховский вариант, который стоит привести полностью в силу оригинальности его концовки:

В гареме нежится султан, да султан,
 Ему счастливый жребий дан, жребий дан.

Он может девушек любить, да любить —
 Хотел бы я султаном быть.
 Но он несчастный человек, человек —
 Вина не пил он целый век, целый век.

Так запретил ему Коран, да, Коран.
 Вот почему я не с-ултан.

А в Древнем Риме Папа жил, Папа жил.

Вино, как воду, Папа пил, Папа пил.
 Бокалы полные вина, да, вина —
 Хотел бы Папой быть и я.
 Но он несчастный человек, человек —

Не знал любви он целый век, целый
век.
Так запретил ему закон, да, закон.
Так пусть же Папой будет он.

А я различий не терплю, не терплю,
Вино и женщин я люблю, я люблю.
И чтоб все это совместить, совместить
Простым студентом надо быть!
В одной руке держу бокал, я бокал,
Чтоб он случайно не упал, не упал,
Другой сжимаю женский стан,
женский стан —
И вот я Папа и Султан!

Но я несчастный человек, человек —
Зачеты мучат целый век, целый век ...
Но есть надежда у меня, у меня,
Что ХПИ закончу я!
(<http://a-pesni.golosa.info/stud/vgareme.php>)

В варианте МИФИ финал почти идентичен вышеприведенному, за исключением последней строки, звучащей, впрочем, столь же оптимистически: «...Что инженером буду я!» (<http://www.vladi.tyshkevich.ru/archives/songs25.htm>).

Почему Папа в этой песне стал обитателем *Древнего Рима* — загадка: возможно, в силу необразованности авторов, а, возможно, вследствие особой условности исторических реалий, характерной для некоторых студенческих песен.

«Перегончики». «Колхозы» — весьма яркое и характерное явление студенческой жизни советского периода. В 1970-е — 1980-е гг. едва ли не 2 сентября и зеленых «перваков», и матерых «старшаков» в принудительном порядке отправляли на сельхозработы. В 1950-х харьковские политехники «боролись с урожаем» преимущественно на Херсонщине. Как ни утомительна была работа, но и возможность хоть на время забыть об учебе, и радость освобождения из-под родительского надзора (некоторыми испытанная впервые), и «праздник живота» — вкушение арбузов и других южных фруктов в неограниченном количестве, как и неограниченное общение с друзьями, а также — что важно! —

с противоположным полом, песни и душевные разговоры у костра далеко за полночь — все это не просто скрадывало «принудиловку», а придавало ей характер весьма романтического времяпрепровождения. «Памятником нерукотворным» этому незабываемому эпизоду в жизни политеховского студенчества стала песня «Перегончики», являющаяся талантливой переделкой (автором ее был Лион Надель, впоследствии известный своими палиндромами, шуточными стихотворениями и очерками о Высоцком) очень популярной тогда туристско-альпинистской песни «Вагончики» (не случайно студенты на ее основе создали песню целинников ТЭФ, слова Л. Ярового и О. Спиридонова (<http://www.izmerov.narod.ru/rsong/rts0067.html>)). Приведем харьковский текст:

На перегончиках
Стучат вагончики,
За перегоном перегон.
И с песней движется
И чуть не рушится
От нашей песенки вагон.

Прощай, Херсонщина,
Прощай, арбузики,
Прощай, херсонский виноград,
Из края южного семьею дружную
Мы возвращаемся назад.

Прощайте, подлости
Херсонской области,
Любимый Харьков манит нас.
Там электричество
В любом количестве,
Цивилизация и джаз.

На перегончиках
Стучат вагончики,
Орет студенческая рать,
А перед ужином
И рай не нужен нам,
Лишь только было б где поспать.

На перегончиках
Стучат вагончики,
За перегоном перегон,
Уже не движется,
Уже разрушился
От нашей песенки вагон
(Зап. от Виталия Ивановича Копуся [ПМА 2010].)

Приведем для сравнения тексты ленинградцев и москвичей, воспевающих возвращение в родной город:

Все безобразия остались в Азии,
 Видна Кремлевская звезда.
 Прощай, просторное
 Ты, море Черное,
 Прощай, соленая вода
 (<http://www.izmerov.narod.ru/rsong/rrs0067.html>).

Все «безобразия» остались в Азии,
 Видна далёкая Москва.
 Огнями залита, работой занята,
 Встречает москвичей она.
 [Там же]

Прощайте, яблочки, прощайте,
 персики,
 Прощай, сухумский виноград.
 Из рая южного семьею дружною
 Мы уезжаем в Ленинград.
 Все безобразия остались в Азии,
 Адмиралтейства манит шпиль,
 И виден блеск его в тумане Невского
 Сквозь азиатскую жару и пыль.
 [Там же]

Харьковский вариант по сравнению с питерским и двумя московскими отличается большей художественной завершенностью: последний куплет не просто перекликается с первым, но является кульминационным.

«Песня о Льве Толстом». История создания песни о Льве Толстом хорошо известна [Охрименко 1998; Антология 2008; Бахнов 1996; В нашу гавань 1995; Далекое 2000; Теплинский 2009]. Исходный текст был создан в 1950 г. Сергеем Кристи, Алексеем Охрименко и Владимиром Шрейбером, авторами не менее популярных песен «Вот ходит Гамлет с пистолетом...», «Я был батальонный разведчик...», «Венецианский мавр Отелло» и др. Песни, сочиненные талантливейшей троицей, вначале существовали вполне «фольклорно», пока спустя довольно много лет не были записаны авторами по памяти, причем варианты их записи несколько различаются [Далекое 2000, 31]. Исполняется на мотив песни «Летят перелетные птицы» (муз. М. Блантера), популярной в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

Песня о русском классике обычно не имела у исполнителей жанрового определения, но политехники, осознавая ее эпичность, дали в одном из вариантов название «Сага о Толстом»:

Писатель дворянского класса
 Лев Николаич Толстой
 Не кушал ни рыбы, ни мяса,
 Ходил по деревне босой.

Жена его Софья Толстая,
 Обрато, любила поесть,
 Она не ходила босая,
 Спасая дворянскую честь.

Жена его именем Софья,
 И в ней-то ошибся Толстой,
 Ей чужда была философия
 И мужа характер простой.

Он юность провел очень бурно:
 Кутил и в гусарах служил,
 А старость, напротив, культурно
 В родимом именье прожил.

В имени Ясной Поляне
 Любил принимать он гостей,
 К нему приходили славяне
 И негры различных мастей.

И плакал великий писатель,
 И кушал вареный овес,
 И роман его «Воскресенье»
 Читать невозможно без слез.

Георгий Валерьянович¹ Плеханов
 Сказал, что писатель Толстой
 Прозаик был очень великий,
 Философ, обратно, плохой.

Владимир Ильич же считает,
 О том, что Толстой был велик
 Не токмо как русский писатель,
 А также как русский мужик.

¹ На самом деле — Валентинович. «Мифическое» отчество вполне могло употребляться сознательно в качестве одного из маркеров малообразованности героя. В одном из вариантов Толстой упорно называется Львом... Алексеевичем [Далекое 2000, 31—33]. В некоторых вариантах имя и отчество революционера звучит укорочено (для ритма и оригинальности): «Георг Валентиныч Плеханов» [ПМА 2011].

Из этих из двух изречений
Студенты запомнить должны:
Учения Ленина верны,
Плеханова же неверны.

Я родственник графа Толстого,
Незаконнорожденный внук...
Подайте, подайте, граждане
Из ваших мозолистых рук!
(Зап. от Виталия Ивановича Копуся
[ПМА 2010].)

Первые шесть четверостиший варианта, записанного от А. И. Шехтмана, в целом повторяют вариант В. И. Копуся (только строфы имеют несколько иной порядок). Затем появляется другой текст:

Вступал он с правительством
в трения
И был он народа кумир.
За книжицу «Анна Каренина»
И роман «Война да и мир».

Писатель в дорогу собрался
И на постоялом дворе
С друзьями навек попрощался
И волею Божьей умре.

Мораль этой песни простая.
Ее вы запомнить должны.
Не надо жениться, робята,
Не выбрав хорошей жены.

Следующие три строфы повторяют рассуждения о Плеханове и Ленине, а заканчивается песня обращением к слушателям, в котором исполнитель называет себя и сыном, и внуком Толстого.

Подайте, подайте, граждане,
Я сын незаконный его.
Я страшно привязан к папане,
Хоть он мне не дал ничего.

Я родственник графа Толстого —
Незаконнорожденный внук.
Подайте, подайте, граждане,
Из ваших мозолистых рук...
(Зап. от Анатолия Исааковича Шехтмана [ПМА 2011].)

В целом с вариантом Шехтмана совпадает и вариант Зубаря.

При этом собранные нами записи выпускников ХПИ заметно отличаются от изначального текста С. Кристи, А. Охрименко и В. Шрейбера. У троицы соавторов песня сводится к рассуждениям о жене Толстого, из-за которой он ушел из дому, и заканчивается сентенцией:

Не надо, ребята, поспешно жениться,
Не выбрав хорошей жены.
Нельзя под венец или в загс
торопиться —

Последствия будут грустны!..
[Антология 2006, 684—685]

Варианты ХПИ отличаются, во-первых, строфами, посвященными Г. В. Плеханову и В. И. Ленину. В этом видна чисто студенческая специфика — как помнят все бывшие студенты, изучавшие некогда историю КПСС, смысл штудирования ленинских «первоисточников» сводился именно к этому: уяснению того, что абсолютно все суждения Ленина верны, а мысли его оппонентов, естественно, ошибочны.

Есть информация, что данный фрагмент был более обширным. Марк Теплинский приводит высказывание Р. Н. Поддубной (выпускницы харьковского филфака 1963 г., впоследствии профессора русской литературы в том же вузе), которая сообщила ему, что «в ее студенческие годы песня, “переданная в наследство от старшекурсников”, содержала также критику в адрес Михайловского и Плеханова, которые-де Толстого не поняли — в противоположность Ленину, который все понял и объяснил» [Теплинский 2009, 91]. Правда, среди известных нам вариантов песни, где речь идет о Плеханове и Ленине [Далекое 2000, 31—33; Антология 2008, 567—569], варианта с упоминанием Н. Михайловского нет. Мы допускаем, что за давностью лет память могла подвести Поддубную, тем более что в подробностях текст она не вспомнила. Да и по логике песни полемика еще и с Михайловским представляется нам явно избыточной, она только утяжелила бы текст — вполне достаточно спора с Плехановым для жесткого резюме об абсолютной правоте вождя.

Второе отличие песен ХПИ от изначального текста 1950 г. в том, что ее лирический герой — нищий, просящий подаяния. Практически все ходящие в народе варианты построены по этому принципу, но у соавторов никакой «нищенской» темы не было. Хотя есть данные, что первоначальный набросок С. Кристи к песне был написан именно от лица незаконного нищего сына Толстого и посвящен его несчастной судьбе; некоторые места этого наброска имеют текстуальные совпадения с вариантами, которые в ходу сейчас [Сарнов 1996, 355].

Некоторые авторы уверяют, что с этой песней ходили нищие по электричкам, и из этого факта выводят специфику поэтики данного произведения. Однако, хотя формально песня представляет собою «нищенский текст», прагматика ее явно факультативна. Если «профессиональные нищие» и взяли в репертуар данное произведение, это пример вторичной функциональности, непародийного восприятия и «применения» пародийного текста. Многозначительные неправильности речи, примененные здесь (робяты, граждaне, «Война да и мир» и т. д.) — это только элементы стилизации.

Песня создавалась и до сих пор функционирует (что мы видим, в том числе, и на рассмотренном нами материале ХПИ) в первую очередь среди интеллигенции — как «стёбное» произведение, высмеивающее педагогические и, шире, культурные штампы, вульгарно-социологическое прочтение литературы, «классовый подход» к феноменам культуры. Это сегодня песня кажется просто «прикольной», а в 1950-е гг., как полагал Леонид Бахнов, «за ернические песенки типа “Жил-был великий писатель” или “Батальонный разведчик” <...> можно было хорошо загреметь» [Бахнов 1996, 223].

Как видим, песенный репертуар студентов ХПИ 1950-х—1960-х гг. был богат и разнообразен (увы, мы смогли остановиться только на некоторых текстах). Заметно, что в фольклорных песнях, бытующих в студенческой среде, в сравнении с теми же песнями,

исполняемыми в других слоях общества, ярко представлена студенческая тематика.

Совершенно необходимым представляется нам изучение полного репертуара данного, пожалуй, самого песенного, поколения, поскольку память тех, кому сегодня около восьмидесяти или за восемьдесят, хранит еще массу интереснейших произведений, уже отошедших в прошлое или существующих в живом бытовании маргинально — лишь в виде фрагментов.

Литература

Антология 2006 — Антология бардовской песни. 100 бардов. 600 песен / автор-сост. Р. Шипов. М., 2006.

Антология 2008 — Антология студенческих, школьных и дворовых песен. Более 500 песен / сост. М. Баранова. М., 2008.

Бахнов 1996 — Бахнов Л. Интеллигенция поет блатные песни // Новый мир. 1996. № 5. С. 220—223. (Рец. на кн.: В нашу гавань заходили корабли: Песни. М.: Омега, Денис Альфа, 1995).

В нашу гавань 1995 — В нашу гавань заходили корабли: Песни. М., 1995.

Далекое 2000 — Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций: Учебное пособие для студентов 2—3 курсов специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» / сост. С. В. Белецкий. СПб., 2000.

Охрименко 1998 — Охрименко А. П. Я был батальонный разведчик. М., 1998.

Сарнов 1996 — Сарнов Б. М. Интеллигенция поет блатные песни... // Вопросы литературы. 1996. № 5. С. 350—374.

Теплинский 2009 — Теплинский М. Фольклор интеллигенции. Тексты и размышления // Радуга. Киев, 2009. № 7. С. 89—91.

Сокращения

ПМА — Полевые материалы автора.

Summary. *The article analyzes folk songs of Kharkov Polytechnic Institute which circulated in 1950-s — early 1960-s. The variation of a number of folklore text is shown, including such songs as «Electricity», «Columbus discovered America», «The Sultan», «A song about Leo Tolstoy».*

Key word: *student folklore, songs, variability of folklore.*